РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ
REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS

DOI: 10.31249/rsm/2022.03.14

Р.Х. Мирзазянов

К ВОПРОСУ О ВАРИАНТАХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ТЕРРОРИЗМУ В ПРАВОВОМ ПОЛЕ РОССИИ

Аннотация. *Статья посвящена правовому противодействию экстремизму и терроризму на примере России с учетом модернизации соответствующего законодательства. Мы сталкиваемся с нормативной и правовой коллизией, поскольку, по существу, отсутствует четкое разграничение терроризма и экстремизма. Между тем практика показывает различие действий (целерациональных) в терроризме и действий (ценностно-рациональных) в экстремизме. Терроризм и экстремизм «объединяет» воздействие на государственную власть, где в первом случае предполагается элиминация самой государственной основы ее существования. Экстремизм в общем целеполагании предусматривает дестабилизацию и ослабление государства и ведет к его гибели с точки зрения территориальной целостности. На наш взгляд, указанную «специфику» терроризма и экстремизма следует учитывать для более адекватного понимания данных феноменов и конкретизации правовых механизмов по противодействию им в Российской Федерации. Терроризм и террористическая деятельность, по сути, представляет собой политическое явление, предполагающее определенную целерациональность по овладению или существенному воздействию на власть с использованием исключительно насильственных методов. Экстремизм изначально не имеет цели, поскольку представляет собой ценностно-рациональное демонстративное поведение, отраженное в том или ином радикальном (как правило насильственном) протесте различной степени интенсивности. Таким образом, «деятельностный» компонент изначально не присутствует в экстремизме, и трактовать его как деятельность, пожалуй, преждевременно. Однако данная ситуация, как правило, «разрешается» при трансформации экстремизма в целерациональный, целеустремленный, приобретающий черты политической деятельности, которая может происходить автономно или сращиваться с другим ее видом – терроризмом. В последнем случае вполне справедливым выглядит утверждение о том, что терроризм – крайняя форма экстремизма, но не тождественна ему.*

Ключевые слова*: противодействие экстремизму и терроризму; правовое поле России; международное право; модернизация законодательства.*

Мирзазянов Рамиль Хакимович – начальник учебной части кафедры специальной подготовки военного учебного центра при МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: ramilhakimovich@mail.ru

Mirzazyanov R.H. On the issue of options for the modernization of legislation pertaining to extremist activity and terrorism in the legal field of Russia

Abstract*. The article is devoted to the legal counteraction to extremism and terrorism taking Russia as an example and considering the modernization of the relevant legislation. We are faced with a regulatory and legal conflict, since, in essence, there is no clear distinction between terrorism and extremism. Meanwhile, practice shows the difference between actions (purposeful-rational) in terrorism and actions (value-rational) in extremism. Terrorism and extremism are «united» by the impact on state power, where in the first case it is supposed to eliminate the very state basis of its existence. In general goal-setting, extremism presupposes the destabilization and weakening of the state and leads to its death from the point of view of territorial integrity. In our opinion, the «specifics» of terrorism and extremism should be taken into account for a more adequate understanding of these phenomena and the specification of legal mechanisms for countering them in the Russian Federation. Terrorism and terrorist activity is essentially a political phenomenon that implies a certain goal-oriented rationality for mastering or significantly influencing power using exclusively violent methods. Extremism initially has no purpose, since it is a value-rational demonstrative behavior, reflected in a particular radical (usually violent) protest of varying degrees of intensity. Thus, the «activity» component is not initially present in extremism, and it is perhaps too early to interpret it as an activity. However, this situation is typically «resolved» when extremism is transformed into its purposeful state, acquiring the features of political activity that can occur autonomously or merge with its other type – terrorism. In the latter case, the statement that «terrorism is an extreme form of extremism, but is not identical to it», looks quite fair.*

Keywords*: countering extremism and terrorism; the legal field of Russia; international law; modernization of legislation.*

Mirzazyanov Ramil Khakimovich – head of the educational Department of the Department of special training of the military training center at Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: ramilhakimovich@mail.ru

От адекватной юридико-правовой квалификации и конкретизации тех или иных действий, подпадающих под категорию террористических и экстремистских, в немалой степени зависит уровень антитеррористической безопасности в том или ином государстве.

Правовые параметры противодействия терроризму и экстремизму, как известно, определены Стратегией национальной безопасности РФ, утвержденной в современной редакции 31.12.2015 № 683 (как и ее новая версия от 02.07.2021 № 400).

Данная стратегия уточняет угрозы, в числе которых «деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя <…>, радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, <…> направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Стратегия 2015].

При этом в Стратегии проводится различие между целеполаганием терроризма по изменению конституционного строя и экстремизма, сконцентрированного на нарушении единства и территориальной целостности России.

Таким образом, терроризм и экстремизм «объединяет» воздействие на государственную власть, где в первом случае предполагается элиминация самой государственной основы ее существования. Экстремизм в общем целеполагании предусматривает дестабилизацию и ослабление государства и ведет к его гибели с точки зрения территориальной целостности.

На наш взгляд, указанную «специфику» терроризма и экстремизма следует учитывать для более адекватного понимания данных феноменов и конкретизации правовых механизмов по противодействию им в Российской Федерации. Здесь имеет смысл обратиться к основному нормативному и правовому акту прямого действия, существующему в нашей стране – Федеральному закону от 6 марта 2006 г. № 35-Ф «О противодействии терроризму», который за последние годы претерпел изменения и дополнения 20 раз (последние 26 мая 2021 г.), с принятием которого утратил силу Федеральный закон от 25.07.1998 № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом».

За рамки данного исследования выходит детальный юридический анализ данного закона, как, впрочем, и других нормативных правовых актов, направленных на противодействие терроризму и экстремизму. Однако представляется целесообразным обратить внимание на принципиальные положения, отражающие как квалификацию данных негативных явлений, так и их эволюцию в правовом поле РФ.

Известно, что к правовым основам противодействия терроризму относится вся совокупность нормативных правовых актов, действующих на территории России в этой сфере. Естественно, наиболее фундаментальным из них является Конституция РФ, недавние поправки к которой конкретизированы в ст. 4 п. 3 названного закона, определяющего что «решения межгосу-

дарственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции, не подлежат исполнению в Российской Федерации» [Конституция 2020, ст. 79].

Кроме того, в различные годы в действующий закон были внесены принципиальные дополнения, адекватные трансформационным изменениям самого терроризма и новеллам по противодействию ему. Например, была уточнена дефиниция «террористический акт» (ст. 3 п. 3), определены такие понятия, как противодействие терроризму, его предупреждение, выявление и минимизация последствий (ст. 3 п. 4), а также параметры антитеррористической защищенности объекта (территории) (ст. 3 п. 6).

Кроме того, подтверждено понимание терроризма и террористической деятельности в качестве совокупности целерациональных действий: организация, подстрекательство, вербовка, информационное пособничество, пропаганда, распространение материалов и прочее [Федеральный закон 2006]. К слову, вызывает некие сомнения квалификация терроризма как идеологии насилия, которая, вне всякого сомнения, актуализирована в самой террористической деятельности, но все-таки не является ее базовым, основополагающим компонентом. В данном случае мы отстаиваем свою гипотезу о том, что терроризм в своей основе содержит целерациональные действия, т.е. воздействие на власть с помощью потенциального (страх, угрозы) или актуального (теракт) насилия. Впрочем, применительно к терроризму упоминание идеологии не играет принципиальной роли, хотя способно дезориентировать правоприменителя.

Кроме того, в силу объективных изменений как в самой террористической деятельности и организациях, ее представляющих, так и в социально-политической практике противодействия им в рамках контртеррористических операций на Северном Кавказе, в Сирии, в некоторых регионах и городах РФ, подвергавшихся террористическим атакам, проблема противодействия и превентизации терроризма актуализируется. В частности, это связано с конкретизацией организационных основ противодействия терроризму (ст. 5), компетенций и полномочий органов Федеральной власти, субъектов Федерации, органов местного самоуправления, входящих с недавнего времени в систему публичной власти в РФ, а также юридических и физических лиц.

Определенным редакционным изменениям в данном законе подверглись статьи, отражающие процедуру признания организации террористической и ведения их федерального списка.

Свидетельства перманентной модернизации нормативной правовой составляющей в вопросах противодействия экстремистским угрозам также присутствуют в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Федеральный закон 2002], в который было внесено 18 изменений и дополнений, в том числе в 2021 г. Обращают на

себя внимание изменения в ст. 1 названного закона в редакции от 31.07.2020 г., где дается следующее определение экстремистской деятельности (экстремизма): «насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности РФ» [Федеральный закон 2002]. Данную дефиницию, на наш взгляд, следует рассматривать как нечто общее между терроризмом и экстремизмом (что имеет место в Стратегии национальной безопасности РФ), где в первом случае, очевидно, имеется в виду цель деятельности, а во втором – одно из средств для ее достижения. Мы сталкиваемся с нормативной и правовой коллизией, поскольку, по существу, отсутствует четкое разграничение терроризма и экстремизма. Между тем практика показывает различие действий (целерациональных) в терроризме и действий (ценностно-рациональных) в экстремизме.

Перечень действий, отражающих качественную определенность экстремизма, конкретизирован в упомянутой ст. 1 в редакции от 31.07.2020 г., среди которых можно выделить основные: «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина <…> воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав <…> воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте “е” части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации; использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных <...> до степени смешения <…> публичные призывы к осуществлению указанных деяний <…> публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность <…> организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления <… > услуг» [Федеральный закон 2002, ст. 1].

Согласно рассматриваемому закону, к основным понятиям, помимо собственно экстремизма, следует относить понятие экстремистской организации, признанной по закону таковой и подлежащей ликвидации по суду, и понятие экстремистских материалов, содержащих призывы, обосновывающих и оправдывающих осуществление экстремистской деятельности, включая труды идеологов национал-социализма и фашизма. При этом выделен (п. 4) отдельно запрет на символику ликвидированной по суду экстремистской организации.

Начиная с 2015 г. рассматриваемый нормативный правовой акт был расширен дополнительной новеллой и статьей 3.1 «Особенности применения законодательства Российской Федерации о противодействии экстремистской деятельности в отношении религиозных текстов», где зафиксировано, что «Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитирование из них не могут быть признаны экстремистскими материалами» [Федеральный закон 2002, ст. 3.1], что, на наш взгляд, принципиально важно.

В части профилактики экстремистской деятельности (ст. 5) и недопустимости ее осуществления (ст. 6, 7) предусмотрены такие меры, как объявление предостережения, предупреждение – включая недопустимость распространения экстремистских материалов (ст. 8). Данные меры представлены профилактикой экстремистских проявлений с отмеченным выше приостановлением деятельности религиозных и общественных объединений и даже их ликвидацией (ст. 9, 10, 11).

Наконец, с учетом социально-политической практики последних лет в нашей стране и за рубежом настоящий закон регламентирует недопущение осуществления экстремистской деятельности при проведении массовых акций [Федеральный закон 2002, ст. 16].

Учитывая, что в 2020 г. была утверждена Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. в новой редакции, обратим внимание на ее некоторые принципиальные положения. Отмечается, что данная Стратегия «разработана в целях обеспечения дальнейшей реализации государственной политики в сфере противодействия экстремизму в Российской Федерации, а также в целях конкретизации положений Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ “О противодействии экстремистской деятельности”» [Стратегия 2020]. Здесь уточняется понятие экстремистской деятельности, осуществляемой:

– националистическими;
– радикальными общественными;
– религиозными;
– этническими и иными организациями и объединениями

и направленной «на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной обстановки в стране» [Стратегия 2020].

Для раскрытия содержания настоящей Стратегии используется соответствующий понятийно-категориальный аппарат, значительная часть его посвящена идеологии, которая, как известно, наравне с социальными нормами и ценностями составляет основу экстремизма как формы политического поведения. Она представлена в документе следующим образом:

«а) идеология насилия – совокупность взглядов и идей, оправдывающих применение насилия для достижения политических, идеологических, религиозных и иных целей;

б) радикализм – бескомпромиссная приверженность идеологии насилия …;

в) экстремистская идеология – совокупность взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения политических, расовых, национальных, религиозных и социальных конфликтов» [Стратегия 2020].

Полагаем, что понятия идеологии и насилия преднамеренно внесены в данную Стратегию в качестве функционально-операционной основы и критерия идентификации радикализма несмотря на то, что в социально-политической практике это не встречается (кроме некоего афоризма), а если и присутствует, то в завуалированной, латентной форме. В данном случае подчеркивается дополнительная характеристика вовлеченности насилия в тот или иной идеологический комплекс. Иными словами, очевидно, что любые классические политические идеологии – либеральные, консервативные, этнические, религиозные и прочие – в трансформационных формах с радикальной бескомпромиссной приверженностью насилию могут считаться экстремистскими идеологиями во всем многообразии их проявлений.

Подобная триада: «идеология насилия – радикализма – экстремистская идеология» фиксирует степень приверженности субъектов идеологии (физических лиц, организаций и объединений, включая политические партии) с радикальной и насильственной формами реализации их устремлений. Отмеченное в рассматриваемой Стратегии тем более важно, что до сих пор бытует мнение о презумпции и даже генетической «прививке» от использования насильственных методов упомянутых здесь идеологических течений, например либерализма, которые (правый и левый варианты) в современных реалиях уже вполне открыто демонстрируют приверженность насильственным действиям.

В связи с этим оправданным представляется допущение о том, что в процессе модернизации нормативного правового поля РФ в данном контексте следует скорректировать отечественное законодательство по противодействию как экстремизму, так и терроризму.

При этом в Стратегии отмечается, что в современных условиях «крайним проявлением экстремизма является терроризм» [Стратегия 2020], основанный на экстремистской идеологии (насилия) и это будет сохраняться, «пока существуют источники и каналы распространения экстремистской идеологии» [Стратегия 2020], угрожающие государственной и общественной безопасности.

Инструменты и механизмы противодействия экстремизму предполагают свое совершенствование с появлением новых факторов, требующих антиэкстремистского нормативного правового регулирования. К числу недавно при-

нятых документов можно отнести Федеральный закон «О внесении изменений в статью 354.1 УК РФ», предполагающий усиление ответственности за реабилитацию нацизма и оскорбление ветеранов Великой Отечественной войны [Федеральный 2019].

При завершении анализа концептуально-теоретических оснований противодействия экстремизму и терроризму и определении имеющихся тенденций для оптимизации соответствующего нормативно-правового поля РФ имеет смысл остановиться на Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации от 5.10.2009 г. Как было отмечено ранее, правовые и стратегические документы на определенный темпоральный период разрабатываются исходя из необходимой корректировки некоторых положений и конкретизации норм в соответствии с изменяющимися социально-политическими реалиями, трансформации как терроризма, так и экстремизма и сопутствующих им явлений.

В связи с этим исследуемая Концепция противодействия терроризму определила следующие императивы:

а) реагирование на изменения способов, форм, методов и тактики деятельности субъектов террористической деятельности;

б) определение компетенции субъектов противодействия терроризму;

г) установление ответственности физических и юридических лиц за несоблюдение требований законодательства РФ в области противодействия терроризму;

д) определение адекватных угрозам террористических актов мер стимулирования и социальной защиты;

е) обеспечение эффективности уголовного преследования за террористическую деятельность [Концепция 2009].

Рассмотрев базовые правовые подходы к определению терроризма и экстремизма, а также механизмы противодействия им в законодательстве РФ, следует отметить их специфику, особенно в процессе правоприменения.

Во-первых, обозначим, что национальное законодательство, в общем и целом, скоординировано с международным правом в форме договоров, конвенций и резолюций, межгосударственных соглашений, если они не противоречат действующей Конституции РФ (согласно поправкам в нее от 2020 г.). При этом большинство международно-правовых актов, например Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г., однозначно предполагает национальный уровень по предупреждению этого глобального социального зла в сочетании с международным сотрудничеством [Конвенция 2005].

В связи с этим основная «тяжесть» нормативного и правового регулирования по противодействию, предупреждению и борьбе с проявлениями терроризма (и экстремизма) ложится на национальное законодательство и органы власти в его практической реализации.

Во-вторых, в этой сфере Российская Федерация, особенно за последние 20 лет, создала достаточно эффективные механизмы «позитивного» правоприменения в части борьбы и противодействия терроризму и экстремизму, среди которых:

– уточнение понятий «террористический акт» и «террористическая деятельность»;

– фиксация положения о том, что терроризм – идеология насилия, и его основной цели – воздействие на принятие решений органами публичной власти;

– определение основных принципов противодействия, пресечения, минимализации или ликвидации последствий террористических актов и терроризма в целом;

– осуществление «криминализации» пропаганды идей терроризма (а также пересмотр признаков теракта ст. 205 УК РФ и содействия террористической деятельности ст. 205.1 УК РФ, призывы к терроризму или его публичное оправдание ст. 205.2);

– введено понятие контртеррористической операции (КТО) и ее режим;

– раскрыто понятие «экстремистская организация», «экстремистские материалы», «идеология насилия», «радикализм», уточнены механизмы их профилактики и проч.;

– в самом общем виде определено соотношение между терроризмом и экстремизмом.

При этом среди представителей юриспруденции существует мнение об имеющем место «игнорировании» в уголовном праве принципа системного выражения уголовно-правовых норм, что подтверждается дублированием составов преступлений в части терроризма и экстремизма и дает возможность дезориентации правоприменителя по ст. 205 и ст. 280 УК РФ. Трудно не согласиться с утверждением, что «спорным остается вопрос отнесения терроризма и его проявлений к преступлениям экстремистской направленности» [Алехин 2018, с. 28]. При этом автор отмечает: «Отсутствие единообразия в его понимании подчас приводит к смешению данных понятий и их употреблению в качестве равнозначных. Несомненно, такое положение не лучшим образом сказывается не только на законодательном уровне, а, в первую очередь, на деятельности правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с данными негативными явлениями» [Алехин 2018, с. 28].

Иной подход демонстрируют М.П. Киреев и Н.Н. Юров: «Рассмотрев понятие “террористическая деятельность” и “экстремистская деятельность”, приходим к выводу о том, что это два вида самостоятельной преступной деятельности, их отличие заключается в том что у “экстремистской деятельности” свой самостоятельный объект посягательства т.е. государственное устройство, межнациональные и межэтнические отношения, на которые

посягают лица, проповедующие человеконенавистнические идеи, унижающие человеческое достоинство, т.е. всё то что урегулировано в 29 главе УК РФ» [Киреев, Юров 2016, с. 208–209].

Данная сентенция предваряется утверждением о том, что «уголовно-правовая суть понятия "террористическая деятельность" четко раскрыта в ст. 205 УК РФ, а понятие "экстремистская деятельность" в ст. 282.2 УК РФ» [Киреев, Юров 2016, с. 207].

На наш взгляд, следует прояснить вышеприведенные умозаключения в рамках исследовательских задач, поставленных в данной статье. Напомним, что объективная сторона предполагает наличие противоправного поведения. При этом, как известно, противоправное деяние представляет собой некий акт поведения (коллективного или индивидуального), выраженного в активном действии или бездействии.

Это следует иметь в виду, даже абстрагируясь от криминальной основы исследуемых феноменов – терроризма и экстремизма, а также их трансформационных производных. Здесь представляется продуктивным представить соотношение терроризма и экстремизма с точки зрения политической праксеологии.

Исходя из таких оснований терроризм и соответствующая деятельность по сути представляет собой политическое явление, предполагающее определенную целерациональность по овладению или существенному воздействию на власть с использованием исключительно насильственных методов.

Экстремизм изначально не имеет цели, поскольку представляет собой ценностно-рациональное демонстративное поведение, отраженное в том или ином радикальном (как правило насильственном) протесте различной степени интенсивности. Таким образом, «деятельностный» компонент изначально не присутствует в экстремизме и его, как представляется, преждевременно, понимать в качестве деятельности. Однако данная ситуация как правило «разрешается» при трансформации экстремизма в целерациональный, целеустремленный, приобретающий черты политической деятельности, которая может функционировать автономно или сращиваться с другим ее видом – терроризмом. В последнем случае вполне справедливым выглядит утверждение о том, что «терроризм – крайняя форма экстремизма, но не тождественна ему».

На наш взгляд, соотношение между терроризмом и экстремизмом выглядит следующим образом (см. схему 1).

При подобных эволюции и функционировании терроризма и экстремизма, а также градации и соотношения между ними, следует предположить следующее. Генетической основой этих негативных социально-политических феноменов является актуальное или потенциальное насилие, имеющее как правило (но не всегда) идеологическое оформление. Терроризм как таковой в социально-политической практике не присутствует в форме «поведенческих»

действий, являясь односоставным явлением, относящимся к политической деятельности. Экстремизм имеет двусоставную структуру: экстремистское поведение и экстремистская «деятельность», этимологически объединенные (особенно в праве) этим понятием.

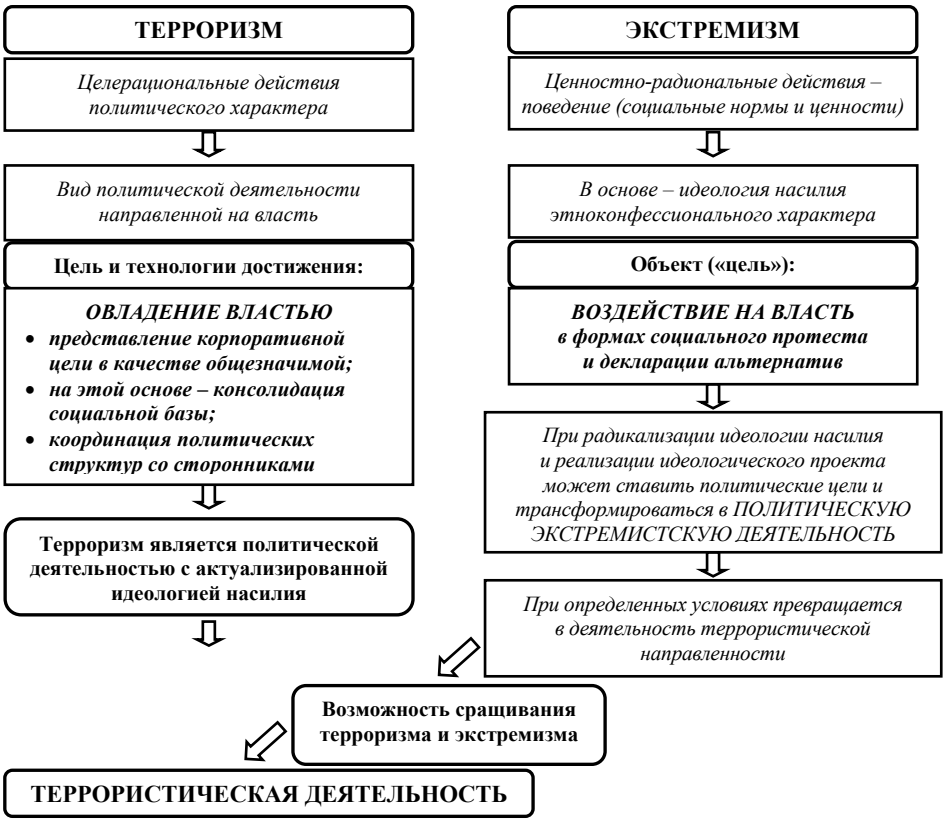

Схема 1. Соотношение экстремизма и терроризма

На наш взгляд, подобные сентенции особенно важны в рамках правотворчества для корректировки механизмов адекватного правоприменения. Именно здесь возникает вопрос относительно того, как наилучшим образом отразить в стратегических документах и законах качественную определенность терроризма (террористической деятельности), экстремизма и экстремистской «деятельности».

Очевидно, что пока данная дифференциация практически отсутствует или имеет место в качестве неконкретных умозаключений. По-видимому, одним из вариантов санкционного ограничения экстремизма как поведения и

экстремистской деятельности было бы отнесение первого – к административному, а второго – к уголовному праву.

Кроме того, заслуживает внимания мнение о том, что необходимо «принятие закона, который объединял бы усилия по противодействию экстремизму и терроризму» [Кулешова 2019, с. 70]. Впрочем, хотя это мнение и относится к дискуссионной позиции, следует отметить, что противодействие экстремизму и терроризму должно иметь системный и комплексный характер, отраженный в нормативном правовом поле РФ. Здесь вполне допустима разработка общего и фундаментального нормативного акта (кодекса) «О противодействии (борьбе) с экстремизмом и терроризмом».

Библиография

Алехин Е.В. Виды и классификация преступлений экстремистской направленности // Полицейская деятельность. – 2018. – № 4. – С. 26–31.

Киреев М.П., Юров Н.Н. О соотношении понятий «террористическая деятельность» и «экстремистская деятельность» // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2016. – № 3. – С. 207–209.

Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма, Варшава, 16.05.2005 // Официальный сайт Совета Европы. URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/196?module=treaty-detail&treatynum=196 (дата обращения: 25.03.2021).

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 19.03.2021).

Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http:// pravo.gov.ru (дата обращения: 15.04.2021).

Кулешова Г.П. Терроризм и экстремизм: соотношение понятий и вопросы законодательного их разграничения // Проблемы права. – 2019. – № 2 (71). – С. 68–71.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2021).

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., утверждена Указом Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.04.2021).

Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ О противодействии экстремистской деятельности // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 1.08.2021).

Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 26.06.2021).

Федеральный закон от 04.11.2019 № 354-ФЗ «О внесении изменений в статью 322-1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.04.2021).

References

Alehin E.V. Vidy i klassifikacija prestuplenij jekstremistskoj napravlennosti [Types and classification of extremist crimes]. Policejskaja dejatel'nost' [Police activity]. – 2018. – N 4. – P. 26–31. (In Russ.)

Kireev M.P., Jurov N.N. O sootnoshenii ponjatij «terroristicheskaja dejatel'nost'» i «jekstremistskaja dejatel'nost'» [On the relationship between the concepts of «terrorist activity» and «extremist activity»]. Probely v rossijskom zakonodatel'stve. Juridicheskij zhurnal [Gaps in Russian legislation. Legal journal]. – 2016. – N 3. – P. 207–209. (In Russ.)

Konvencija Soveta Evropy o preduprezhdenii terrorizma, Varshava [Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism, Warsaw], 16.05.2005. Oficial'nyj sajt Soveta Evropy [Official website of the Council of Europe]. URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/196?module=treaty-detail&treatynum=196 (date of access: 25.03.2021). (In Russ.)

Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 01.07.2020) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020)]. Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [Official Internet portal of legal information]. URL: http://pravo.gov.ru (date of access: 19.03.2021). (In Russ.)

Koncepcija protivodejstvija terrorizmu v Rossijskoj Federacii (utv. Prezidentom RF 05.10.2009) [The concept of countering terrorism in the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on 05.10.2009)]. Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [Official Internet portal of legal information]. URL: http:// pravo.gov.ru (date of access: 15.04.2021). (In Russ.)

Kuleshova G.P. Terrorizm i jekstremizm: sootnoshenie ponjatij i voprosy zakonodatel'nogo ih razgranichenija [Terrorism and extremism: correlation of concepts and questions of their legislative differentiation]. Problemy prava [Problems of Law]. – 2019. – N 2 (71). – P. 68–71. (In Russ.)

Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii, utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 31 dekabrja 2015 g. N 683 [National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 N 683]. Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [Official Internet portal of legal information]. URL: http://pravo.gov.ru (date of access: 10.04.2021). (In Russ.)

Strategija protivodejstvija jekstremizmu v Rossijskoj Federacii do 2025 goda, utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 29 maja 2020 g. № 344 [Strategy for countering extremism in the Russian Federation until 2025, approved by Decree of the President of the Russian Federation of May 29, 2020 N 344]. Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [Official Internet portal of legal information]. – URL: http://pravo.gov.ru (date of access: 15.04.2021). (In Russ.)

Federal'nyj zakon ot 25.07.2002 № 114-FZ «O protivodejstvii jekstremistskoj dejatel'nosti» [Federal Law N 114-FZ dated 25.07.2002 On combating extremist activity]. Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [Official Internet portal of legal information]. – URL: http://pravo.gov.ru (date of access: 1.08.2021). (In Russ.)

Federal'nyj zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ «O protivodejstvii terrorizmu» [Federal Law N 35-FZ of 06.03.2006 «On countering terrorism»]. Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [Official Internet portal of legal information]. URL: http://pravo.gov.ru (date of access: 26.06.2021). (In Russ.)

Federal'nyj zakon ot 04.11.2019 № 354-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'ju 322-1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i stat'ju 151 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Federal Law N 354-FZ dated November 4, 2019 «On Amendments to Article 322-1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation»]. Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [Official Internet portal of legal information]. URL: http://pravo.gov.ru (date of access: 15.04.2021). (In Russ.)